

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Сушков А.В., Бедель А.Э., Пьянков С.А. — «Так это по советским законам, а мы же в Тагиле!»: коррупционные практики на Среднем Урале в 1930-е гг. // Genesis: исторические исследования. – 2019. – № 11. DOI: 10.25136/2409-868X.2019.11.31222 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31222

«Так это по советским законам, а мы же в Тагиле!»: коррупционные практики на Среднем Урале в 1930-е гг.

Сушков Андрей Валерьевич

кандидат исторических наук

старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

620990, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16

✉ suschkow@mail.ru

Бедель Александр Эмануилович

кандидат исторических наук

старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

620990, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16

✉ bedel54@mail.ru

Пьянков Степан Александрович

кандидат исторических наук

старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

620990, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16

✉ kliostefan@mail.ru

[Статья из рубрики "История и политика"](#)

Аннотация.

Предметом исследования являются коррупционные практики партийных и хозяйственных руководителей в период индустриализации СССР в 1930-е гг. В статье на основе документов органов партийного контроля рассмотрены факты незаконного расходования финансовых и материальных ресурсов в личных целях. Актуальность исследования обусловлена возможностью более глубокого понимания причин репрессий 1930-х гг. по отношению к региональному руководству и крупным хозяйственным управленцам. Вновь введенные в научный оборот исторические источники позволяют конкретизировать и уточнить данные о факторах, способствовавших отставанию строительства ряда крупных промышленных предприятий, а также жилья для рабочих и объектов культурно-бытового назначения в одном из крупнейших промышленных центров Советского Союза. Описательный метод предоставил возможность продемонстрировать детали коррупционных взаимоотношений руководителей партийных структур и руководства ряда промышленных предприятий. Историко-генетический метод позволил реконструировать и конкретизировать обстоятельства срыва строительства ряда важных промышленных

объектов, уточнить причины тяжелейшего материально-бытового положения рабочих крупных промышленных строек Нижнего Тагила в период индустриализации. Новизна заключается в проведении специального научного исследования, посвящённого коррупционным связям партийной номенклатуры и хозяйственных руководителей. Исторические исследования, посвящённые истории индустриализации Урала в 1930-е гг., подобные аспекты не рассматривали. В заключении сделан вывод о том, что коррупционные действия хозяйственных и партийных руководителей негативно отражались на реализации планов промышленного развития. Их незаконная деятельность наносила не только огромный экономический ущерб, но и ухудшала материально-бытовое положение рабочих, инженерно-технических работников и служащих.

Ключевые слова: партийно-государственная система власти, Иван Кабаков, Урал, Нижний Тагил, хозяйственные преступления, коррупция, история промышленности, индустриализация, управленческие практики, рабочие

DOI:

10.25136/2409-868X.2019.11.31222

Дата направления в редакцию:

31-10-2019

Дата рецензирования:

01-11-2019

Тема коррупции в уральских властных структурах и хозяйственных организациях в 1930-е гг. всё чаще привлекает к себе внимание историков [\[3; 4; 5, с. 471-512; 9; 12; 13\]](#). Несомненный интерес представляет то, как коррупционные практики отражались на ходе индустриализации, на социально-экономических и общественно-политических процессах в регионе. В настоящей статье предпринимается попытка на примере одного из индустриальных центров Среднего Урала – города Нижнего Тагила – рассмотреть коррупционные практики партийного и хозяйственного руководства в 1930-е гг., в период руководства Уральской (с 1934 г. – Свердловской) областью первого секретаря обкома ВКП(б) И. Д. Кабакова.

В эпоху «великого перелома» (или «сталинской модернизации») Нижний Тагил ждали глубокие социально-экономические перемены. В городе началось строительство гигантов индустрии – металлургического, коксохимического, огнеупорного и вагоностроительного заводов. Население города стремительно выросло: всего лишь за три предвоенных пятилетия оно увеличилось в четыре раза [\[6, с. 12\]](#).

С начала строительства тагильских гигантов и до конца «эпохи Кабакова» у партийного руля Тагила сменилось несколько руководителей: П. И. Тиунов (1930–1933), М. В. Кузнецов (1933–1935), Ш. С. Окуджава (1935–1937), Л. Н. Пальцев и Г. С. Богачёв (оба – по несколько месяцев в 1937 г.). Всех этих руководителей объединяло наличие лишь

начального общего образования, специальное было не у всех и только партийное, все они имели опыт партийно-пропагандистской и организационно-партийной работы, некоторые работали в комсомоле. На заводах, если и работали, то в юные годы и на рабочих местах, к тому же весьма непродолжительное время по сравнению с работой партийной. Ни инженеров, ни техников, ни опытных хозяйственников среди тагильских наместников Кабакова не было [\[14, с. 58-59\]](#).

Руководство страны позаботилось о создании для работников местных партийно-государственных структур системы льгот и привилегий, которая должна была обеспечить благоприятные материально-бытовые условия для этих людей, включая организацию их отдыха и медицинского обслуживания. Для этих целей в Уральской области в начале 1930-х гг. были организованы хозяйственные управления при облисполкоме и горсоветах и лечебные комиссии при обкоме и горкомах (райкомах) партии. Из средств, которыми располагали хозупры и лечкомиссии, так называемому партийному и хозяйственному активу выплачивались денежные пособия на отдых и лечение, было организовано его продовольственное обеспечение. Ввиду нехватки в местных властных структурах средств, поначалу не возбранялось, чтобы для осуществления этих задач в какой-то мере могли привлекаться дополнительные материально-финансовые ресурсы. Однако, как вскоре выяснилось, запросы партноменклатуры оказались чрезвычайно велики [\[12; 13\]](#).

Для удовлетворения собственных материально-бытовых запросов руководители Нижнего Тагила организовали сразу и хозупр при горсовете, и лечкомиссию при горкоме партии. В специальных магазинах и на базах за счёт хозупра получали продукты и промтовары бесплатно или с 50-процентной скидкой, к их услугам были бесплатные столовые. Кроме того, круг избранных, куда входили первый секретарь Нижнетагильского горкома ВКП(б) М. В. Кузнецов, начальник Уралвагонстроя Л. М. Марьясин, начальник Тагилстроя М. М. Царевский и его заместитель Степанов, были прикреплены к магазину Инснаба. Царевский и Степанов дополнительно пользовались магазином № 30 ОРСа Тагилстроя [\[18, л. 107, 148\]](#).

В списке тех, кто бесплатно получал продукты с базы № 1, значились секретарь горкома Кузнецов, его заместитель Муравенко, заведующий орготделом горкома Зайцев, председатель городской контрольной комиссии Вейс, председатели горсовета Лобзенков и Грушин, начальник отдела ГПУ Плахов и другие, всего 10 человек. Список тех, кто получал с 50-процентной скидкой, был больше – 23 человека. Всего на бесплатное или льготное обеспечение продуктами тагильского начальства из средств хозупра и треста «Нарпит» (последний зарабатывал на 43-процентных наценках на свою продукцию, продаваемую «рядовому» населению) была затрачена гигантская сумма – 123 775 руб. [\[18, л. 105, 107\]](#).

Как правило, продукты и товары с базы и столовой партактива посылались без указания фамилии получателя. Сохранились лишь отдельные документы, по которым можно судить о жизни тагильского начальства в непростые годы индустриализации. Секретарь горкома Михаил Васильевич Кузнецов на 1 мая 1934 г. получил из столовой № 4 колбасу, щуку, торты и пирожные, ромовушку, печенье, конфеты, портвейн, вино «Карданахи» и коньяк. При этом лишь спиртное числилось по одной единице, остальное – по нескольку, а пирожных, к примеру, – целых 40 штук. Приблизительно тот же набор получил председатель горсовета Василий Степанович Грушин [\[18, л. 107, 143-144\]](#).

Управление Высокогорских железных рудников передало тагильскому хозупру дачу в

посёлке Евстюниха. Из почти 4000 руб., потраченных хозупром на её «оборудование», 1246 руб. ушли на приобретение 210 литров пива и 100 бутылок водки. Ещё 103 бутылки вина – 71 бутылка портвейна и 32 бутылки яблочного вина – общей стоимостью более 1100 руб. отправил на дачу начальник ОРСа Уралвагонстроя Шадрин [\[18, л. 140, 147-148\]](#).

Удовлетворял хозупр и другие потребности тагильского начальства. Председателю горсовета Грушину, его заму Ячменёву, культпропу горкома Пальцеву (будущему первому секретарю горкома партии), заведующему горфинотделом Гордееву и другим руководителям Тагила приглянулись в магазине Торгсина очень дорогие кожаные пальто. Хозуправление выкупило необходимое количество бонн у старателей, закупило пальто и бесплатно выдало желанный предмет одежды тагильскому руководству. Лишь после проверок партконтроля, с большой неохотой и частями, стараясь залезть в другой государственный карман, они принялись возвращать стоимость пальто [\[17, л. 129; 18, л. 148\]](#).

Крупные денежные пособия руководство города получало от тагильской лечкомиссии. Комиссия как таковая практически не функционировала: от её имени действовал инструктор горкома Ушаков по согласованию с секретарём горкома Кузнецовым. Часть выданных средств никакого отношения к лечению не имела. Так, культпроп Пальцев получил 500 руб. на переезд в Тагил, а председатель горсовета Грушин и его заместитель Ячменёв взяли пособия на уплату за кожаные пальто. Некоторые представители партноменклатуры получали пособия в год не по разу: заведующий горфинотделом Гордеев, управляющий делами горкома Калинина, редактор газеты «Тагильский рабочий» Орлов, завстоловой партактива Хавричева, то есть те, кто, за исключением Орлова, имел отношение к распределению материально-финансовых благ. Всего только лечкомиссия в 1933 г. потратила на «обслуживание актива» почти 75 000 руб., в 1934-м – 55 000 руб. [\[18, л. 147\]](#).

Откуда брались столь крупные денежные средства?

В Нижнем Тагиле как хозупр, так и лечкомиссия собирали деньги с хозяйственных организаций. По данным партконтроля, Тагильский хозупр собрал 21 тыс. руб., а лечкомиссия – 13 тыс. «Донорами» лечкомиссии стали Тагилстрой, перечисливший 6 тыс. руб., Высокогорский железный рудник – 5 тыс., управление строительством Нового Тагила – 2 тыс. Кроме прямых поборов, составивших 21 тыс. руб., хозупр собирал «дань» с предприятий и учреждений под прикрытием арендной платы. Так, хозупр сдал в аренду управлению строительством Нового Тагила склады во дворе горкома, взяв деньги за год вперёд. Фактически же управление строительством этими складами не пользовалось, их занимал горкомхоз, и часть этих помещений были повторно сданы в аренду Швейсбыту. Если управление строительством Нового Тагила, судя по всему, рассталось со средствами добровольно, то такое учреждение, как инвентаризационное бюро, было принуждено тагильскими властями заплатить крупную «арендную дань». Бюро занимало помещение в здании горсовета и аккуратно перечисляло 120 руб. в месяц в качестве арендной платы. Однако согласно постановлению горфинотдела в январе 1934 г. госбанк списал с текущего счёта бюро, якобы в погашение задолженности за аренду, почти 18 тыс. руб. Деньги были перечислены хозупру. Сумма эта была столь велика, что её бы хватило на оплату аренды в течение 12 с половиной лет. Таким же образом, не спрашивая согласия, на счёт хозупра якобы за арендную плату с института «Уралгипрогор» были перечислены почти 13 тыс. руб. Институт опротестовал это решение в областном арбитраже, и последний постановил вернуть институту деньги. Горфинотдел же вернул меньше 10 тыс. руб., причём провёл их как

дотацию Уралгипрогору. Также хозупр «содрал» за якобы аренду 6 тыс. с горкомхоза, 7 тыс. – с горздравотдела. Всего доходы от действительной и фиктивной аренды помещений горсовета и горсоветских складов составили почти 69 тыс. руб. Списывались деньги со счетов учреждений и под другими предлогами. К примеру, с бюро заборных документов хозупр «позаимствовал» 5500 руб., затем президиум горсовета постановил изъять ещё 4555 руб., назвав всю изымаемую сумму в 10 055 руб. «безвозвратной ссудой» [\[18, л. 182, 211, 213-214\]](#).

Помимо местных хозяйственных организаций тагильский хозупр имел ещё один крупный и надёжный источник доходов – городской бюджет. Из бюджета в распоряжение хозупра поступило 100 163 руб. – огромная по тем временам сумма [\[18, л. 214\]](#).

Многочисленные злоупотребления тагильского начальства, а также их коллег из Свердловска, Перми и Надеждинска (Кабаковска) были задокументированы сотрудниками аппарата уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Свердловской области. Уполномоченный КПК Л. А. Папардэ и его аппарат прилагал немало усилий, чтобы причастные к незаконному расходованию средств были привлечены к ответственности. Однако эти устремления наталкивались на серьёзное сопротивление со стороны руководителей области, работников силовых ведомств, прокуратуры и суда. Если вынести взыскание и даже отнять партбилет партконтроль ещё мог, то вот добиться реального уголовного наказания для фигурантов дел оказалось гораздо сложнее [\[9, с. 86-88; 12, с. 104-106\]](#). И «дело Тагильского хозупра» являлось ярким тому примером.

«Дело» рассматривалось не на областном уровне, а в самом Тагиле. В заседании бюро Нижнетагильского горкома ВКП(б) 21 сентября 1934 г. принял участие сотрудник партконтроля Варов. Нужно ли говорить, что участники заседания, кормившиеся при хозупре, не были заинтересованы в раздувании «дела» и отнюдь не стремились рассказывать обо всех злоупотреблениях, как своих, так и чужих. Несмотря на прозвучавшие в постановлении такие фразы, как «антигосударственные действия», «нарушение финансовой и бюджетной дисциплины», «незаконные денежные поборы», «незаконное заключение договоров», виновные понесли лишь формальное наказание. Председатель горсовета Грушин, заведующий горфинотделом Гордеев и инструктор горкома Ушаков отделались простыми выговорами. Даже заведующий хозупром Шалунов получил лишь строгий выговор с предупреждением, сохранив партбилет. Заведующий культпропом горкома Пальцев вовсе отделался указанием [\[17, л. 123-124; 18, л. 274-275, 285-286\]](#).

Поэтому неудивительно, что тагильская партноменклатура в дальнейшем не отказалась от использования материальных и финансовых ресурсов хозяйственных организаций в личных целях. Тем более что Л. А. Папардэ так и не сумел добиться жёсткого наказания для провинившихся руководителей и вынужден был покинуть область [\[12, с. 105\]](#).

В 1936 г. в свердловский партконтроль поступило заявление от бывшего начальника Тагильского хозупра Н. Е. Шалунова о коррупционных действиях отдельных руководящих работников Нижнего Тагила. Шалунова к тому времени всё же исключили из партии, и его заявление, судя по всему, можно рассматривать как месть бывшим «хозяевам» за несправедливое, по его мнению, наказание. Шалунов в заявлении указывал на то, что практика самоснабжения отдельных работников продолжала существовать. Однако партконтроль, в отличие от времён Папардэ, не стал проявлять особого рвения в проверке заявления. В записке на имя нового уполномоченного КПК К. И. Бухарина

сотрудник партконтроля В. Седов указал, что сообщаемые Шалуновым сведения относятся к 1933–1934 гг. – к тому времени, когда существовал хозупр. Что «хозупровские безобразия» были расследованы аппаратом КПК, рассматривались на заседаниях бюро и пленума Тагильского горкома партии, и что вновь поднимать этот вопрос нет никакой необходимости. В ходе проверки, тем не менее, выявились некоторые незаконные действия работников горкома и горсовета, «граничащие с использованием своего служебного положения». Седов сообщил, что в октябре 1935 г. секретарь президиума Нижнетагильского горсовета Румянцев на средства горсовета купил тканей на 671 руб., из которых были сшиты четыре костюма для горсоветского руководства, включая председателя горсовета Грушина и самого Румянцева. Ни за материал, ни за пошив руководящие работники не расплатились. Седов сообщал, что кроме того председатель горсовета Грушин, его заместитель Ячменёв, работники горкома ВКП(б) Ушаков, Хрисанов и другие имели задолженность перед пошивочной мастерской и не считали нужным уплачивать за выполненные работы. «Рваческим отношением» Седов квалифицировал дотации на питание по 300 руб. каждая, полученные в апреле 1936 г. секретарями горкома Окуджавой и Пальцевым, а также руководителями горсовета Грушиным и Ячменёвым. Ещё восемь человек горкомовских и горсоветских работников получили по 150 руб. таких же дотаций. А в Первомайские праздники 1936 г. Грушин устроил у себя на квартире обед, где присутствовало городское начальство. Стол накрывала столовая № 4 Нарпита, потратившая на эти цели более полутысячи руб. Расходы Грушин планировал покрыть из средств того же горсовета [\[21, л. 202–204\]](#).

Иных фактов самоснабжения проверка не обнаружила. А о тех, что были выявлены, проверяющие поставили в известность первого секретаря горкома Окуджаву и председателя горсовета Грушина, которые «...обещали исправить допущенные ошибки и не допускать их в дальнейшем» [\[21, л. 202\]](#).

Записка Седова была датирована 13 мая 1936 г. Можно представить, как восприняли первые лица Тагила информацию представителя партконтроля о праздничном обеде за горсоветские деньги, о задолженности начальства за стоимость ткани и за работу швейной мастерской и о «рваческих» дотациях на питание. С какими чувствами они «признавали» свои ошибки и обещали не допускать их в дальнейшем. Наверное, не без иронии. Ведь пройдёт лишь несколько месяцев, и на поверхность всплывут подлинные масштабы коррупции в Нижнем Тагиле.

Как выяснилось, в горкоме партии была создана так называемая «чёрная касса», деньги в которую перечислялись хозяйственными организациями. Отвечал за «кассу» заведующий промышленно-транспортным отделом горкома Иван Васильевич Хрисанов. Всего различными способами в 1936 г. Хрисанов собрал 20 350 руб., из которых 1524 руб. были выданы первому секретарю горкома Окуджаве, 2900 руб. – второму секретарю горкома Пальцеву, 1500 руб. – заведующему отделом пропаганды горкома Яковлеву, 1300 руб. – секретарю Сталинского райкома партии Романову, 800 руб. – заведующему отделом школ горкома Чернышёву и другим. Всего было роздано 10 тыс. руб. Остальные 10 с лишним тыс. взял себе сам Хрисанов [\[20, л. 57, 459\]](#).

Хрисанов был весьма влиятельной фигурой в тагильском руководстве, был вхож во многие властные кабинеты, пользовался благами наряду с первыми лицами города. И это не случайно, ведь он являлся представителем могущественного «тульского клана»: в середине 1920-х гг. он работал в Тульском горкоме партии заместителем заведующего агитационным отделом [\[20, л. 278\]](#). А в середине 1930-х бывший тульский партийный

пропагандист стал отвечать за работу тагильской промышленности. И действительно, с хозяйственным и партийным руководством многочисленных предприятий он наладил весьма тесные взаимоотношения.

Если не главным, то одним из крупнейших поставщиков финансовых средств городскому начальству являлся Уралвагонстрой, возглавлял который Лазарь Миронович Марьясин. Правительство не жалело средств для строительства Уралвагонзавода – стратегически важного для страны предприятия. А Марьясин, в свою очередь, не жалел средств ни для себя, ни для своего окружения и просто нужных людей. Тем более что занимавшие высокие партийные посты в Тагиле – Окуджава, Хрисанов, Романов – ранее работали в парткоме Уралвагонстроя, а партийные начальники и секретарь комитета ВЛКСМ на строительстве получали от Марьясина в виде премий крупные денежные суммы (до 1,5 тыс. руб.), а также дефицитные, дорогостоящие товары, такие как велосипеды, радиоприёмники, отрезки тканей на костюмы и пальто и т. д. За 1934–1936 гг. Марьясин выдал из спецфонда Уралвагонстроя различным руководящим работникам без малого 55 тыс. руб. Не скупился раздавать государственные средства «своим» по самым разным поводам: «на литературу» членам парткома – 8322 руб., на организацию праздников – 13 тыс. руб., на питание работников парткома – 2000 руб. [\[20, л. 454–455; 23, л. 217–217 об.\]](#).

Городское начальство Марьясин обеспечивал крупными денежными суммами, устраивал им пышные банкеты. К майским и ноябрьским праздникам ответственные партработники получали от Марьясина продуктовые посылки стоимостью от 150 до 700 руб. каждая. Посылка на 700 руб. весила около 80 килограммов и состояла из 10 килограммов мяса и колбасных изделий, 12 килограммов масла сливочного, голландского сыра и брынзы, 100 штук яиц, 5 килограммов сахара, 3 килограммов печенья, 10 банок консервов, 3,5 килограмма конфет и шоколада, 5 бутылок вина, 5 килограммов сушёных фруктов, ящика яблок, ящика груш, и т. д. На ноябрьские праздники 1935 г. 700-рублёвых посылок по указанию Марьясина было отправлено 7 штук. Помимо них было собрано по 40 штук посылок на 260 руб. и на 150 руб. Всего, таким образом, было собрано и отправлено партноменклатуре 87 посылок на общую сумму 21 400 руб. Среди получателей значились не только секретари горкома Окуджава и Пальцев, но и директора: Промбанка – И. С. Каравайцев и Комбанка – К. Л. Шкарпет [\[20, л. 454; 23, л. 216, 223\]](#). В голодные времена это был поистине царский подарок. Но начальник управления строительством мог себе позволить такие подарки.

Деньги переводились в горком, в том числе подразделениями Уралвагонстроя. Так, начальник коммунального отдела УВС Горкунов летом 1936 г. путём мошеннических комбинаций при посредничестве магазина передал горкому, а именно – Хрисанову, 2100 руб. [\[20, л. 51\]](#).

Даже после ареста Марьясина городское руководство продолжало по старой привычке использовать ресурсы Уралвагонстроя. Так, Хрисанов в начале 1937 г. получил с автобазы Уралвагонстроя автомобиль и пользовался им. На попытку заведующего базой Лапина вернуть машину Хрисанов заявил: «Попы сдачи не дают». Хрисанов был не единственным из горкома, кто взял на Уралвагонстрое «во временное пользование» автомобиль [\[20, л. 56, 456\]](#).

Другие тагильские предприятия также уплачивали «дань». В том числе путём оплаты фиктивных счетов. Так, Хрисанов вызвал к себе в горком заведующего магазином Золотопродснаба Васина и «предложил» выписать счёт на 2000 руб. за якобы проданные Уралвагонзаводу 500 метров красного сатина и 300 штук электрических лампочек.

Следом в горкоме были оформлены документы о якобы произведённой из горкомовских средств оплате этого счёта, после чего Хрисанов на основании всех документов и по доверенности горкома получил на руки с завода 2000 руб. Работники завода, разумеется, прекрасно знали, что никаких лампочек и тканей не покупали. Подобные же счета Хрисанов брал в магазине Промторга на 2100 руб., в клубе Уралвагонстроя – два счёта по 1000 руб. каждый, в столовой НКВД – на 1100 руб. и в других местах. Помимо Уралвагонзавода счета эти оплачивались заводом № 63 (снарядный завод) и металлургическим заводом имени Куйбышева [\[20, л. 57-57 об., 458\]](#).

Управляющий медным рудником имени III Интернационала Мартынов в 1935–1936 гг. выдал Хрисанову из кассы рудника 3000 руб. и перечислил в горком 4362 руб. Предлоги были разные: для украшения города к Первомайским праздникам, на проведение Стахановской конференции и Стахановского слёта [\[20, л. 54-55 об.\]](#).

Директор Высокогорского железного рудника Давыдов выдал горкому в общей сложности 3000 руб. и отремонтировал за счёт рудника на 20,5 тыс. руб. здание Ленинского райкома ВКП(б), взяв деньги из средств на ремонт и благоустройство жилья для рабочих (выделенные из области на ремонт и оборудование здания райкома 30 тыс. руб. ушли в «неизвестном направлении»). Заместитель директора Уралвагонзавода Степанов, помимо оплаты фиктивных счетов, тоже перечислил горкому 3000 руб. Управляющий золотоплатиновых приисков Долгих перечислил горкому 1000 руб. [\[1; 20, л. 53-54 об.\]](#). Следует отметить, что это лишь те суммы, о которых так или иначе стало известно партконтролю, и вполне возможно, что они не в достаточной степени отражали действительную картину злоупотреблений.

Бурную активность Хрисанов развил, чтобы раздобыть кожаное пальто для первого секретаря горкома Шалвы Степановича Окуджавы. Для этих целей Хрисанов неоднократно вызывал в горком того же заведующего магазином Золотопродснаба Васина, но тот сослался на необходимость письменного разрешения начальника базы. Тогда Хрисанов вышел на начальника базы Сорокина, сказал ему, что пальто нужно срочно в связи с предстоящей поездкой Окуджавы в Москву. Кожаное пальто было доставлено в горком Хрисанову, за которое он уплатил 624 руб. из собранных с заводов средств, и преподнёс пальто Окуджаве [\[20, л. 56-57 об.\]](#).

Второй секретарь горкома Леонид Николаевич Пальцев брал деньги где только можно, не ограничиваясь «чёрной кассой». В горздраве ему выдали 3600 руб., в горсовете – 1500 руб., из кассы горкома 1600 руб. Брал и товарами. Тот же завмаг Золотопродснаба Васин принёс для дочери Пальцева ботинки и несколько часов терпеливо ожидал в приёмной второго секретаря горкома, чтобы вручить их партийному начальнику. А весной 1936 г. Пальцев прознал, что у заведующей магазином партактива Хлопотовой имеется чёрный крепдешин, и потребовал его для своей жены на платье. Хлопотова ответила, что крепдешина в магазине нет. Пальцев на это сказал, чтобы та немедленно нашла и доставила ему ткань. Узнав о невыполнении этого «партийного поручения», Пальцев позвонил Хлопотовой по телефону и пригрозил: «А у тебя партбилет в кармане?» После чего завмаг достала свой личный крепдешин, подаренный ей родственниками на день рождения, и отнесла его Пальцеву.

«Я с вас шкуру сдеру с живых! Чтобы завтра же утром книги были!» – кричал Пальцев у себя в горкоме на заведующего книжным магазином Кутмана. Завмаг, не имея у себя в магазине нужных Пальцеву книг, обежал своих знакомых, искал на книжных складах и даже съездил в Свердловск. В итоге сумел раздобыть требуемое. После этого Пальцев,

раздавая лишние учебники работникам горкома, похвалялся перед ними результатами своей «работы»: «Вот как нужно доставать!» [\[20, л. 55, 457\]](#).

Секретарь Нижнетагильского горкома ВЛКСМ Козлов, которого позже перевели в Свердловск вторым секретарём обкома комсомола, в январе 1936 г. получил в личное распоряжение от Тагилстроя 500 руб. Кроме того, получая от организаций на различные цели крупные суммы, Козлов оставлял себе достаточно внушительный «процент». Так, в марте 1936 г. он получил от Тагилстроя 5 тыс. руб. на приобретение парашютов для аэроклуба, и из них оставил у себя 800 руб. От горнополучил 3 тыс. руб. на проведение комсомольской конференции, из которых присвоил 200 руб. [\[20, л. 456\]](#).

В мае 1936 г. сотрудник партконтроля Седов упрекнул Окуджаву и Грушина устроенным «обедом» в Первомайские праздники. На самом же деле тагильское начальство в 1935–1936 гг. организовало не один десяток подобных застолий. Проводились они главным образом на квартирах у Окуджавы, Грушина или Марьясина. Ряд празднований организовали у себя дома начальник Тагилстроя Царевский, директор рудника имени III Интернационала Мартынов и директор Высокогорского железного рудника Давыдов. В начале 1937 г. один банкет по случаю окончания городской партконференции был устроен на квартире начальника городского отдела НКВД Плахова. Постоянными участниками празднеств были Окуджава, Пальцев, Грушин, Хрисанов, Романов, Плахов и секретарь парткома Уралвагонзавода Глаголев. Посещали банкеты и вечера Марьясин и секретарь парткома Уралвагонстроя Денисов, директор Уралвагонзавода Павлоцкий и член парткома этого же завода Чевардин, директор рудника Мартынов, секретарь парткома металлургического завода Варов, секретарь Кировского райкома Яновский, секретарь горкома ВЛКСМ Козлов. На одном из банкетов, проходивших у председателя горсовета Грушина, присутствовал сам председатель Свердловского облисполкома В. Ф. Головин. Столы накрывались богато, их украшали различные закуски, вина разных сортов, пиво. Богатые банкеты у себя дома устраивал Мартынов: на столах стояли дорогие вина, мускаты, ликёры, коньяки и до 40 различных закусок. Ну а когда в Тагил прибыл первый заместитель наркома тяжёлой промышленности СССР Георгий Леонидович Пятаков, Мартынов накрыл для высокого московского гостя стол из 70 различных закусок. Директор другого рудника, Давыдов, тоже не скупился на стол. На одно из застолий, организованных у него дома, было израсходовано 6368 руб. На банкетах много пили, поднимали тосты сначала за партию и Сталина, затем за Окуджаву и Пальцева, а потом друг за друга, за присутствующих женщин и т. д. [\[20, л. 461, 463–464\]](#). Оплачивались банкеты как за счёт хозяйственных организаций, так и из средств горкома ВКП(б). Потраченные на застолья горкомовские средства списывались на административно-хозяйственные расходы, в связи с чем перерасход по этой статье за 1936 г. вылился в 14 300 руб. [\[20, л. 56\]](#).

Начальство устраивало себе праздники также на принадлежавших Тагилстрою дачах «Ключики» и на даче Высокогорского железного рудника, располагавшейся в пос. Евстюниха. Содержание только в 1936 г. дачи в Евстюнихе обошлось руднику в 20 тыс. руб. Но это было ничто по сравнению с тем, какие суммы тратились в дачном городке «Ключики», где отдыхало городское начальство, включая Окуджаву, Пальцева, Грушина, Ячменёва, Плахова и других. Одна только постройка этих дач обошлась Тагилстрою в 580 тыс. руб., а на их содержание в 1935 г. из разных источников было потрачено не менее 285 тыс. руб. государственных средств (точную сумму установить не удалось ввиду запутанности финансовой документации) [\[20, л. 434, 460\]](#).

Хозяйственники устраивали банкеты на своих предприятиях, затрачивая на это сотни

тыс. руб. Затраты списывались на дотации столовым, за обеды стахановцам и ИТР, и т. д. По одной только столовой Уралвагонзавода в 1935–1936 гг. было израсходовано на застолья 184 тыс. руб. Банкеты и вечера, устраиваемые Марьясиным, обходились в среднем от 5 до 16 тыс. руб. каждый. Помимо управления строительством каждый цех и участок устраивали свои вечера отдельно. На банкет по случаю 1 Мая, проходивший на медном руднике имени III Интернационала, затратили более 8,5 тыс. руб. На вечер ушло 236 литров вина и водки [\[20, л. 461–462\]](#). Даже начавшиеся в Тагиле аресты партийного и хозяйственного начальства, обвинявшегося в том числе в разбазаривании государственных средств, не сумели прервать устоявшиеся «банкетные традиции». Так, в апреле 1937 г. дирекция и партком металлургического завода имени Куйбышева закатали очередной банкет за государственный счёт. Известно также, что в начале 1937 г. на квартиры горкомовских начальников Окуджавы, Пальцева и Хрисанова доставлялись продукты из столовой. Затраченная на это сумма в почти 1000 руб. была списана на горком [\[20, л. 56, 460\]](#).

Большие суммы тратились по линии горсовета и подведомственных ему структур. Председатель горсовета Василий Степанович Грушин изъял из местного бюджета (по согласованию с заведующим облфинотделом И. Л. Хорошем) 19 050 руб. и раздал их городскому начальству: Окуджаве и Пальцеву – по 1500 руб., Яковлеву и начальнику отдела НКВД Плахову – по 1150 руб., Хрисанову и Романову – по 1050 руб., и т. д. Себя, конечно, не обделил: взял себе наравне с Окуджавой и Пальцевым. Кроме того, заведующий горфо Гордеев выдал почти 9000 руб. Грушину, и они тоже были розданы среди «своих». Городские начальники Окуджава, Пальцев и другие не платили за квартиру и за электроэнергию. В городской бане был устроен «правительственный номер», которым пользовались исключительно члены бюро горкома и президиума горсовета, разумеется, бесплатно. Из средств на ремонт жилфонда было отпущено 2000 руб. для ремонта дачи горсовета (на ремонт всего жилфонда города было израсходовано в том же 1936 г. 1600 руб.). По распоряжению Грушина горно и горздравотдел скидывались по тыс. руб. на подарки для детей членов бюро горкома ВКП(б) и президиума горсовета [\[23, л. 85–86, 245\]](#).

Здесь же кратко следует отметить, на каком фоне протекала барская жизнь тагильской номенклатуры.

В Тагиле несколько лет «строились» важные городские объекты – баня, водопровод, гостиница «Северный Урал», дом учителей, дезинфекционная станция и поликлиника (диспансер), на что, по разным данным, было израсходовано от 2,7 до 3,4 млн руб. Однако ни один объект так и не был введён в эксплуатацию – их строительство было заморожено. Некоторые недостроенные объекты со временем начали разрушаться [\[20, л. 158 об. –160, 173–175, 194–196; 23, л. 86\]](#).

Объекты Уралвагонзавода были пущены в эксплуатацию с массой недоделок, с нарушениями всяческих норм, в том числе норм пожарной безопасности. В связи с этим бесконечной чередой шли аварии и поломки оборудования. Отсутствие необходимого оборудования, включая системы вентиляции, несоблюдение, а порой невозможность соблюдения техники безопасности на заводе приводили к заболеваемости, отравлениям, массовому травматизму и даже гибели рабочих. Во всех цехах завода либо находились в неудовлетворительном состоянии, либо отсутствовали вообще канализация, туалеты, душевые помещения, раздевалки. К примеру, в цехе колёс на ряде участков были сделаны пожароопасные деревянные перекрытия, действовало ненадёжное и небезопасное временное электроосвещение, вентиляция и канализация отсутствовали,

система отопления была неэффективна, и спустя всего лишь несколько лет эксплуатации зданию потребовались капитальный ремонт и реконструкция. В таком же капитальном ремонте и реконструкции стали нуждаться многие другие заводские объекты, а также гражданские – школы, детские сады, медицинские учреждения, построенные Уралвагонстроем под руководством Марьясина [\[20, л. 78 об. –80, 113; 23, л. 3–5\]](#).

Огромной проблемой на заводе долгое время являлся выпуск недоброкачественной продукции. Брак по цеху колёс Гриффина, к примеру, по итогам работы за вторую половину 1934 г. составил 99,4 % всей продукции (лишь 100 штук колёс были признаны годными из 17 тыс. отлитых). По итогам следующего года процент принятых в эксплуатацию колёс составил лишь около 30-ти [\[16, с. 180–187\]](#).

Яркий пример бесхозяйственности представляло собой строительство Новотагильского металлургического завода. Строительство завода началось в 1931 г. За шесть лет строительства президиум ВСНХ СССР и Наркомат тяжёлой промышленности СССР четыре раза кардинальным образом меняли проектные задания – увеличивали или сокращали количество доменных и мартеновских печей, меняли состав оборудования прокатного цеха. Каждый раз это требовало изменений всей проектной документации. В итоге одних только чертежей и проектов было аннулировано более чем на 12 млн руб., а доменное и прокатное оборудование, произведённое для НТМЗ на Уралмашзаводе на сумму почти 900 тыс. руб., пришлось списывать как лом [\[19, л. 28; 22, л. 43–44, 63–66, 88 об.\]](#).

Царившая на строительстве бесхозяйственность крайне удивила и возмутила немецких специалистов, приехавших на строительство в 1932 г. Немецкие рабочие-коммунисты стали свидетелями того, как в результате низкого уровня культуры управления, несогласованных действий различных властных структур и, как следствие, плохой организации работ приходило в негодность ценное импортное оборудование. В частности, немецкие специалисты, привлечённые к установке импортных машин, предупредили, что место, куда планируется поставить машины, и план их расположения являются неудачными. Но это предупреждение было проигнорировано, и немцы вынуждены были подчиниться. Позднее эти машины пришлось несколько раз переставлять с места на место, в результате чего они пришли в негодность, ремни от них были похищены. Увидев и другие случаи гибели дорогостоящего оборудования, немцы принялись сигнализировать в профсоюз, в парторганизацию завода и даже в органы ГПУ. Однако все обращения в местные властные инстанции оказались безрезультатными [\[4, с. 321–322\]](#).

Пуск металлургического завода должен был состояться в 1934–1935 гг., однако в эксплуатацию к середине 1937 г. были сданы лишь несколько вспомогательных производств, включая шамотный цех. Да и шамотный цех потребовал серьёзной реконструкции ввиду того, что все перекрытия, где стояли печи, были сделаны в соответствии с проектом деревянными, что рано или поздно привело бы к пожару, а отсутствие нормально функционирующей вентиляционной системы вызывало массовые отравления рабочих [\[22, л. 56, 63, 69; 23, л. 5\]](#). Остальные объекты находились в различной степени готовности (строительство доменного цеха и коксохимического производства пребывало лишь на начальном этапе), качество строительства было признано «исключительно низким». При том, что к началу 1937 г. на строительство уже было затрачено более 300 млн руб., или 35 % от стоимости всего завода [\[22, л. 44, 53, 61\]](#).

Руководство строительства во главе с Царевским сделало ставку на возведение временного жилья, потратив на эти цели 38 млн руб. Однако уже к 1937 г. это жильё в

большинстве своём пришло в негодность. А начавшееся строительство постоянного жилья, на которое было затрачено около 9 млн, в 1936 г. было законсервировано. На этом фоне, пожалуй, наиболее удачными объектами Тагилстроя стали дома для Нижнетагильского горсовета стоимостью 800 тыс. руб. и дом отдыха (дачи) на Ключиках стоимостью более полумиллиона руб. Что Царевский пускает столь огромные суммы на внетитульные объекты, тагильское руководство, разумеется, не смущало, ведь они сами жили в этих домах и отдыхали на этих дачах [\[22, л. 54, 57, 69\]](#).

Об отношении же тагильского начальства к простым трудящимся можно судить по краткой заметке, удостоившейся публикации на страницах главной советской газеты «Правда» в мае 1934 г. Вот её содержание: «На предприятиях Тагила задерживают выдачу заработной платы. Общая задолженность по Тагилстрою достигает уже 300 000 рублей, по всему району – 800 000 руб. На многих предприятиях заработная плата расходуется не по назначению. Но всё это мало беспокоит местных работников прокуратуры и суда. Финансовый отдел Уралвагонстроя (начальник Сидякин) израсходовал на административно-хозяйственные нужды 400 000 рублей, полученные из горбанка для выдачи заработной платы. Но дело Сидякина до сих пор лежит в папке прокурора новостроек Поздникова. Зарплата задерживается и в Союзводстрое, и в сельских местностях, где работники просвещения полтора-два месяца сидят без заработной платы» [\[11\]](#).

Взгляды тагильского начальства на жизнь, их отношение к действующему законодательству можно описать несколькими словами, которые принадлежат секретарю Сталинского райкома ВКП(б) Михаилу Аркадьевичу Романову. На замечание, что он незаконно получил более полутысячи руб. и необоснованно выписывает себе суточные, Романов сказал: «Так это по советским законам, а мы же в Тагиле!» [\[20, л. 456–457\]](#).

Итоги такого хозяйствования наиболее отчётливо отразились на строительстве Новотагильского металлургического завода, пуск в эксплуатацию которого состоялся только в середине 1940 г. [\[14, с. 65\]](#). А. Б. Аристов – завотделом и секретарь Свердловского обкома ВКП(б), в конце 1930-х курировавший строительство и ввод в строй НТМЗ, – описывал то состояние, в котором завод пребывал спустя восемь лет после начала строительства: «...Безжизненная стройка являла собой печальное зрелище заброшенности и запустения. По всей немалой территории зияли котлованы и канавы, частью осыпавшиеся, частью залитые водой. Уныло торчали остовы коксохимического завода, доменной печи, мартеновского цеха. Вольготно себя чувствовали в недостройках лишь свившие здесь гнёзда грачи». Аристов полагал, что в происходившем не было чьей-либо злой воли. А проблема заключалась в том, что для создания одновременно стольких промышленных гигантов не хватало ни средств, ни оборудования, ни рабочих рук [\[2, с. 4–5\]](#).

Мнение известного специалиста по истории уральской индустрии С. В. Устьянцева отчасти созвучно с доводами А. Б. Аристова: «Страна фактически не имела сил для одновременного возведения нескольких металлургических гигантов. Достройка Магнитогорского и Кузнецкого заводов потребовала гораздо больших средств и ресурсов, чем планировалось. В этих условиях тагильские новостройки, за исключением Уралвагонстроя, стали обеспечиваться по остаточному принципу. Уже в середине 1932 г. сокращение квартальных лимитов вынудило приостановить возведение доменного цеха, а к концу года – законсервировать его. То же самое произошло и со строительством ТЭЦ» [\[15, с. 62\]](#).

Однако, как свидетельствуют архивные документы, проблемы заключались не только в недостаточном финансировании, в нехватке оборудования и рабочих кадров, а ещё и в масштабных хищениях государственных средств и ресурсов. Размер ущерба от коррупционной деятельности местного начальства, который понесли промышленные предприятия, городское хозяйство и строительная индустрия в Тагиле, ещё предстоит установить. Тем не менее, уже сейчас можно сказать, что оценки личности того же Л. М. Марьясина как бескорыстного энтузиаста, жертвовавшего собственными материально-бытовыми удобствами и потребностями во имя «светлого будущего», нацеленного «на выполнение государственных, общественных задач, приоритетных перед целями личной жизни», весьма далеки от реальности [7, с. 14; 8, с. 362; 10, с. 372].

Использование тагильским начальством финансовых и материальных ресурсов в личных целях стало вполне типичным явлением в первой половине 1930-х гг. Помимо бюджетных средств, важнейшим источником поступления денежных средств и материальных ресурсов во властные структуры являлись хозяйственные организации и государственные учреждения, расположенные на территории Нижнего Тагила. Кроме прочего, изымались продовольственные ресурсы, предназначенные для снабжения рабочих на заводах и шахтах. Местные органы власти под теми или иными предлогами изымали у предприятий и учреждений крупные денежные средства. Эти суммы на предприятиях списывались с различных статей расходов, включая те, что целевым образом предназначались для материально-бытового обустройства рабочих. На всё средств не хватало, поэтому экономили на возведении промышленных объектов, сдавали их в эксплуатацию с многочисленными недоделками, с отступлением от норм и правил. Пока трудно с точностью определить масштабы материального ущерба, нанесённого государству, тем не менее, можно утверждать, что подобные действия в значительной степени негативно сказывались на проведении в жизнь планов индустриализации.

Библиография

1. Алексеев П. Вытравить гниль на горе Высокой // Тагильский рабочий. 1937. 14 апреля.
2. Аристов А. Незабываемое // Урал. 1981. № 5. С. 3–32.
3. Воробьёв С. В. «Знаете, не поладил немного с Виссарионом»: из истории политического самозванства на Урале в 1930-е гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2015. № 4 (16). С. 91–106.
4. Воробьёв С. В. Парадоксы сталинской индустриализации на Урале: немецкие рабочие против советской бесхозяйственности и злоупотреблений // Документ. Архив. История. Современность: материалы IV Международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2012. С. 320–325.
5. Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.: векторы исследования / ред. Д. А. Редин. СПб.: Алетейя, 2018. 722 с.
6. Ермаков А. Материально-бытовое положение тагильчан в первые десятилетия советской власти // Веси. 2012. № 6. Прил. С. 11–21.
7. Кириллов В. М. Метод контент-анализа в исследовании проблем истории России 1930–1940-х гг. // Актуальные проблемы современного социально-гуманитарного знания: материалы X Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Тагил: НТГСПИ, 2016. С. 11–18.
8. Кириллов В. М. Формирование концепта «соцгород» и идентичность его строителей

- (на материале Нижнего Тагила 1920–1930-х гг.) // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сборник научных трудов. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2017. С. 354–363.
9. Колдушко А. А. «Я нигде так бедственно не жил, как в Перми, и не буду жить!»: быт и нравы пермской номенклатуры середины 1930-х годов // Повседневность номенклатуры: сборник статей / под ред. В. П. Мохова, Н. А. Фролова. Пермь: Издательство Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2013. С. 76–88.
 10. Олохова О. П., Кириллов В. М. Идентичность строителей социалистического города на Урале по мемуарным источникам (1930-е гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 4. С. 368–376.
 11. Смирнов. Безнаказанно задерживают зарплату // Правда. 1934. 28 мая.
 12. Сушков А. В. «Дело Свердловского облисполкома». Привилегированная жизнь «уральских вождей» в первой половине 1930-х годов // Свободная мысль. 2019. № 3. С. 91–106.
 13. Сушков А. В., Бедель А. Э., Пьянков С. А. Индустрия роскошной жизни: к вопросу о коррупционных взаимоотношениях руководителей уральских партийно-государственных структур и хозяйственных организаций в 1930-е годы // Genesis: исторические исследования. 2019. № 8. С. 69–88.
 14. Сушков А. В., Михалёв Н. А., Пьянков С. А. Средний Урал в системе Урало-Кузнецкого комбината: проблемы строительства Новотагильского металлургического завода в 1930-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 25 (279). История. Вып. 52. С. 56–66.
 15. Три столетия «старого соболя». Екатеринбург: Независимый Институт истории материальной культуры, 2005. 271 с.
 16. Устьянцев С. В. Очерки истории отечественной индустриальной культуры XX века. Ч. 1. Уральский вагоностроительный завод. Нижний Тагил: Репринт, 2009. 415 с.
 17. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 236. Оп. 1. Д. 29.
 18. Ф. 236. Оп. 1. Д. 35.
 19. Ф. 236. Оп. 1. Д. 299.
 20. Ф. 236. Оп. 1. Д. 335.
 21. Ф. 236. Оп. 1. Д. 430.
 22. Ф. 236. Оп. 1. Д. 436.
 23. Ф. 236. Оп. 2. Д. 527.